Славянизмы в повести Л.Н. Толстого «Божеское и человеческое»

© *Е. А. ПЕЧУРОВА*

В статье рассматривается использование славянизмов в повести Л.Н. Толстого «Божеское и человеческое», обусловленное идейным содержанием текста.

Ключевые слова: славянизм, *идиостиль*, *лексика религиозного содержания*, *авторская идея.*

В начале 1900-х годов наряду со статьями «Об общественном движении в России», «Единое на потребу», «Великий грех», «Конец века» и других публикуется повесть «Божеское и человеческое» Л.Н. Толстого, затрагивающая религиозные и социальные вопросы, интересовавшие писателя.

Особенностью любого художественного произведения, по мнению Толстого, является всеобщее и безысключительное подчинение отобранных средств заложенной в нем идее. Повесть «Божеское и человеческое» может считаться одним из ярких примеров подобной обусловленности языковых средств идейным содержанием текста.

«Первая трудность, представляющая теперь для осуществления закона бога, состоит в том, что существующие человеческие законы прямо противоположны ему» [1. С. 193], – считал Толстой. Идея противопоставленности божеских и человеческих законов пронизывает все произведение, начиная с заглавия. Идейное наполнение повести продиктовало необходимость использования славянизмов как одного из самых важных лексических средств его воплощения.

Носителем Закона Божия в произведении является главный герой Светлогуб. В обрисовке Л.Н. Толстого это «Иисус Христос нашего времени», хранитель Божьей искры, не родившийся сыном Божиим, но ставший им, пройдя путь духовного совершенствования. Этот путь продвижения героя к свету истины, к подлинной вере включает в себя несколько этапов.

С самого начала повествования на человеческую оригинальность, почти исключительность Светлогуба, указывает особое использование славянизма *проповедь*: «С первых же шагов этой новой деятельности Светлогуб встретил два неожиданных препятствия: одно в том, что большинство людей народа не только было равнодушно к его *проповедям*, но почти презрительно смотрело на него» [С. 200. Здесь и далее курсив наш. – *Е.П.*]. Употребление славянизма с религиозной семантикой (*проповедь* – «поучение, речь, духовное слово, наставление священника пастве, в церкви либо народно в ином месте» [2. Т. III. С. 1315]) сре-

ди преимущественно нейтральной и публицистической лексики сразу обращает на себя внимание. Сначала Светлогуб-проповедник действует, руководствуясь лишь своим чувством протеста против социальной несправедливости.

Следующий этап в духовном развитии Светлогуба – очищение от «веками нагроможденных и всеми силами изобретательности ума поддерживаемых построек лжи» [С. 194], то есть всего того, что мешает познанию Божеского через страдания. «Он говорил себе: “Победа или *мученичество*, а если *мученичество*, то *мученичество* это та же победа, но только в будущем”» [С. 200]; «В последнее время ⟨…⟩ Светлогуб почти желал *мученичества*»; «И вот то *мученичество*, которое он ожидал, началось для него» [С. 201]. *Мученичество* – «состояние мученика», того, «кто в муке, кого мучат, страдальца». *Мучениками* также «церковь именует потерпевших до смерти за Христа» [2. Т. II. С. 950].

Картина душевных страданий Светлогуба, как мозаика, рисуется при помощи одиночных славянизмов и их сочетаний с общеупотребительной лексикой: *одиночество и невольная праздность*, *ослабевающие нравственные силы*, *раскаяние.* Употребление славянизма *мученичество* (а не его узуальных синонимов, например, *страдание*, *мучение*) в сочетании с контекстуальным антонимом *победа* усиливает производимый эффект, подчеркивая правильность пути Светлогуба, предваряет его обращение к истинной вере, его прозрение.

И это прозрение наступает. Путеводная нить к нему – Евангелие, являющееся вместилищем Закона Божьего, своеобразным лекарством от слепоты, из-за которой человек перестает видеть истину. Светлогуб-мученик теперь говорит и мыслит реминисценциями библейских текстов. Толстой показывает процесс осмысления и усвоения героем христианских истин. Они переносятся Светлогубом в современность: «“Блаженны вы, когда будут поносить и гнать вас. Радуйтесь и веселитесь: так гнали и пророков, бывших прежде вас”; “Вы – соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям”; “Это совсем уж к нам относится”, – подумал он и продолжал читать дальше. Прочтя всю пятую главу, он задумался: “Не сердитесь, не прелюбодействуйте, терпите зло, любите врагов”. “Да, если бы все так жили, – думал он, – и не нужно никакой революции”» [С. 202–203].

Именно в этой книге он находит ту «программу действий», которую до этого ощущал интуитивно: «“Ко всем же сказал: если кто хочет идти за мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мной. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою душу ради меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобресть весь мир, а себя самого погубить или повредить себе” ⟨…⟩ Это самое я и хотел делать» [С. 204].

Состояние Светлогуба с этого момента меняется от угнетенного и подавленного к свободному и просветленному; его охватывает умиление, радостное возбуждение. «Сознание той истинной жизни, которая была в нем» теперь, пронизывает все его существо. Именно в этот момент его видит старик-раскольник, в восприятии которого Светлогуб ассоциируется с ангелом – «духовным существом, одаренным разумом и волею» [2. Т. I. С. 41]: «Лошади тронулись, и колесница с сидевшим в ней светлым, как *ангел*, юношей, окруженная стражниками, громыхая по камням, выехала за ворота» [С. 209].

Кроме славянизма *ангел*, из уст старика-раскольника звучит еще одна церковнославянская характеристика героя – *агнец*. Слово *агнец* в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля имеет два значения: «иносказание непорочности во плоти»; (с пометой *церковное*) «представитель Спасителя» [Там же. С. 11]. Именно о Светлогубе как о посланнике Божием говорит раскольник в предсмертном бреду: «– Про *агнца*… про *агнца* открываю… тот юнош *агнцем* был. А сказано: *агнец* победит я, всех победит… И кто с ним, те избраннии и вернии» [С. 223]; «Среди ослепительного света он [раскольник] видел *агнца* в виде светлого юноши, и великое множество людей из всех народов стояло перед ним в белых одеждах, и все радовались, и зла уже не было на земле» [С. 226].

В образе Светлогуба как воплощении идеи истинной веры, изображении последователя Бога нашло отражение и учение Толстого о непротивлении злу насилием: «Смысл был тот, что злу недолго остается царствовать, что *агнец* добром и смирением побеждает всех, что *агнец* утрет всякую слезу, и не будет ни плача, ни болезни, ни смерти» [С. 224]. Эти слова, описывающие предсмертные видения старика-раскольника, являются реминисценцией строк главы 21 Откровения Иоанна Богослова: «И отрет Бог слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

В описании вечера накануне казни и самой казни Светлогуба также содержится отсылка к евангельским текстам. Однако теперь это собственные мысли героя. Трижды Толстой вкладывает в уста Светлогуба речения Иисуса Христа, взятые из 23 главы Евангелия от Луки, подчеркивая этим высшую степень духовного совершенства своего героя: «Ни те, ни другие не могли иначе: прости им, они не знают, что творят. Я не смею о себе повторять эти слова, но они у меня в душе и поднимают и успокаивают меня» [С. 205]; «Светлогуб ⟨…⟩, вспомнив слова Евангелия: “Не знают, что творят”, сделал усилие и робко проговорил…» [С. 211]; «“В руки твои предаю дух мой”, – вспомнил Светлогуб слова Евангелия» [С. 212].

На стороне Божеского в повести находится и старик-раскольник, выступающий своеобразным проводником идей самого Толстого. Уже само определение старика как раскольника – «отщепенца по вере, от-

павшего от своей церкви, от своего исповедания» [2. Т. III. С. 1599] – характеризует его как думающего, сомневающегося, ищущего ответы на свои вопросы, и говорит о близости данного героя автору. При первом упоминании сам раскольник характеризуется как *беспоповец*: «В той же тюрьме, где содержался Светлогуб, содержался и старик-раскольник, *беспоповец*, усомнившийся в своих руководителях и искавший истинную веру» [С. 208].

Речь раскольника изобилует фонетическими, лексическими и морфологическими славянизмами. Например, *един* в значении «один», *егда* «когда», *прииде*, *приидет*, междометие *ей*!, глагольная форма 3 лица мн. числа *суть*: «– И цари седмь *суть*: пять их пало и *един* остался, другий еще *прииде*, не пришел, значит. И *егда приидет*, мало ему есть… значит, конец ему придет… понял?» [С. 223]. Значение междометия *ей* («истинно, воистину, право, точно, подлинно, верно, так» [2. Т. I. С. 1288]) в Словаре В.И. Даля сопровождается краткой этимологической справкой: «Употребляется вместо божбы или уверения на основе Евангелия от Матфея глава V стих 37» [Там же]. Приведем эти слова: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» [5].

В речи раскольника находит последовательное отражение идея враждебности человеческого Божескому: если Светлогуб – *ангел, агнец, светлый юноша*, то власть, губящая этого юношу, – *антихрист*. Именно этот славянизм Толстой внедряет в речь раскольника для характеристики правительства в целом и царской власти, в частности: «Он [раскольник] отрицал не только никонианскую церковь, но и правительство со времени Петра, которого считал *антихристом*, царскую власть называл “табачной державой” и смело высказывал то, что думал, обличая попов и чиновников, за что и был судим и содержим в остроге и пересылаем из одной тюрьмы в другую» [С. 208–209]; «Этот познал истину, – думал он. – *Антихристовы* слуги затем и задавят его веревкой, чтоб не открыл никому» [С. 209]; «– Сказывают, ты одной веры с тем вьюношем, что Одесте *антихристовы* слуги задавили веревкой» [С. 214]. Славянизм *антихрист* как имя нарицательное есть «всякий противник Христу», как имя собственное – «злой дух, ратующий против истины и добра. Он должен явиться пред скончанием мира (века) и открыто совращать благочестивых, налагая на них печать, клеймо» [2. Т. I. С. 47].

Со Светлогубом раскольника сближает и наличие в его речи библейских реминисценций. Однако если источник таковых у Светлогуба – Евангелие, то у раскольника – Откровение Иоанна Богослова: «И он [раскольник] постоянно читал эту таинственную книгу и всякую минуту ждал “грядущего”, который не только воздаст каждому по делам его, но и откроет всю Божескую истину людям» [С. 209]. Выявим эти реминисценции в тексте повести, сопоставив с Откровением и указав главу и стих.

«– И цари седмь суть: пять их пало и един остался, другой еще прииде, не пришел, значит. И егда придет, мало ему есть… значит, конец ему придет… понял?» [С. 223] – «и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть» (Гл. 17. Ст. 10).

«“Ей гряди скоро! Аминь. Ей гряди, господи Иисусе!” – проговорил он и слегка значительно и, как показалось Меженецкому, сумасшедше улыбнулся» [С. 224] – «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Гл. 22. Ст. 20) [3].

«Неправедный пусть еще делает неправду, нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. Се гряду скоро, и возмездие мое со мною, чтобы воздать каждому по делам его» [С. 209] – (Гл. 22. Ст. 11, 12) [3].

«Смысл был тот, что злу недолго остается царствовать, что агнец добром и смирением побеждает всех, что агнец утрет всякую слезу, и не будет ни плача, ни болезни, ни смерти» [С. 224] – «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Гл. 21. Ст. 4); «Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные» (Гл. 17. Ст. 14).

Вполне закономерным будет заключить, что, по мысли Толстого, Светлогуб – вочеловеченный вновь Христос, а раскольник – Иоанн Богослов.

Показательно, что повествование о представителях второго закона – закона человеческого, – почти не содержит славянизмов.

Употребление славянизмов в повести «Божеское и человеческое», таким образом, определяется выполнением одного из обязательных, по мнению Толстого, требований идеального выражения мысли автора в художественном тексте. И состоит оно в обусловленности всех компонентов, составляющих художественное целое, сюжетным содержанием произведения, его общей идеей и характерами действующих лиц.

Литература

1. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., Художественная литература, 1935–1958. Т. 42. Далее указ. только стр.
2. Словарь живого великорусского языка В.И. Даля. СПб.–М., 1903.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 14-04-00032 при поддержке РГНФ.